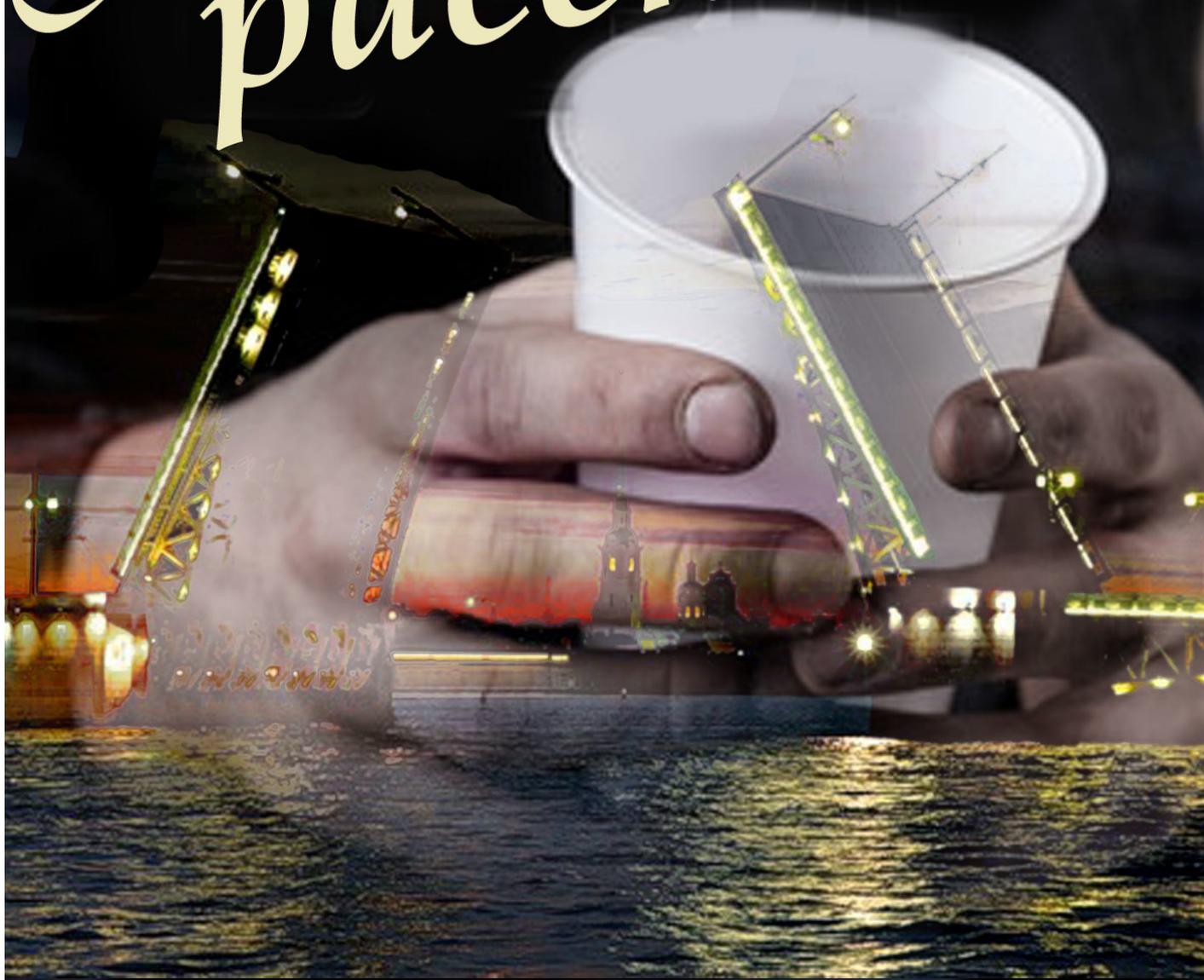

Евгений Новиков

Ленинградские
рассказы

Евгений Новиков
Ленинградские рассказы

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Новиков Е.

Ленинградские рассказы / Е. Новиков — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Сборник философских рассказов о судьбе молодых людей, волею случая оказавшихся без работы и жилья на улицах большого города.

© Новиков Е.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Введение	5
А вдруг дождь пойдет: что тогда делать?	7
Теперь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Евгений Новиков

Ленинградские рассказы

Введение

Как читать этот сборник

Этот сборник из... небольших историй о моей жизни в Петербурге ваш покорный слуга написал в период с марта по август 2012 года, хотя некоторые сюжеты были задуманы им значительно раньше, в первую очередь, рассказ – пьеса «Квартиранты», одна из наиболее важных вещей собрания. Здесь, в этом вступлении, я хочу сказать несколько вводных слов просто из желания быть лучше понятым.

Для начала: истории я намереваюсь разместить в достаточно произвольном порядке. Хронологически они относятся к разным периодам моей жизни на чужбине, в основном к лету 2011 и зиме 2010–2011, и лишь один рассказ стопроцентно к Новому 2012 году. Дело в том, что в отличие от своего друга и спутника я уезжал дважды: в декабре 2010 и до августа 2011 и потом с ноября 2011 до февраля 2012. Друг домой не возвращался, а меня на время отступить заставило пошатнувшееся здоровье.

Так вот, в принципе, как правило, сборник рассказов, выражаясь современным языком – это «гипертекст». По крайней мере, исключения вроде «Дублинцев» Джойса не так распространены. В предисловии к «Парижскому сплину» Бодлер напрямую сообщает, что достоинство этой работы в том, что читатель может начать в любом месте. Мои историйки я попрошу читать в любом порядке, но лучше всего после этого вступления ознакомиться с единственным в прямом смысле «рассказом» – «А вдруг дождь пойдет», после читать как угодно, но предпоследним взяться за очерк-статью «...», а последним прочесть, конечно, «Возвращение», тоже в своем роде «рассказ». Относительно жанровой принадлежности других вещей я испытываю сильные сомнения и воздержусь от точной классификации. Здесь они расставлены в принципе совершенно произвольно.

Сейчас, когда я пишу это введение, мне хочется быть холодным и точным, и не мучить читателя бесконечными повторами и объяснениями, но, видит Бог, в голове роится такой сонм мыслей, что и не поймешь, с чего начать, что стоит сказать, а чего писать не стоит.

По крайней мере, сразу предупреждаю – на страницах моей книжечки вы столкнетесь с множеством повторов, самоповторов, явных и скрытых цитат и так далее, так или иначе, автор сам сознает, что это иной раз может раздражать, но ничего поделать не может. В целом, материал, с которым мне пришлось работать, как раз и подразумевает постоянное повторение одного и того же.

Насчет занимаемой мною позиции. Образно выражаясь, мне бы хотелось, чтобы читатель представил бы себе автора этих вещичек широко и растерянно улыбающимся, мол: «да чего там, я хоть и стараюсь быть максимально честным и понятным, но воспринимайте все написанное в кавычках, не «именно так», а «как бы», чего там». По-другому я сказать не умею. Я предельно серьезен – большая серьезность, полагаю, отдает уже безвкусицей, и в то же время предельно самоироничен.

Главный герой, от чьего лица ведется повествование – это именно я сам, каким вижу себя, каким хотел бы видеть, если на то пошло. В некоторые моменты, когда я перечитываю иные отрывки, мне кажется, что они отдают позерством, но надеюсь, благосклонный читатель меня простит.

Уверен, что он простит мне и «вольность» некоторых сюжетов – так или иначе, я сам лично считаю себя релятивистом и стопроцентным агностиком почти во всех отношениях, но не ищущего лишнего повода пощекотать кому-то нервы или вызвать раздражение, тем более ярость. В наше время в принципе эти «вольности» и вольностями по идее не назовешь.

Итак, пока, пожалуй, что хватит – остальное читатель узнает из самого сборника, а по поводу него – из очерка-статьи, помещенной предпоследней. Ваш покорный слуга еще раз просит не воспринимать всего написанного «слишком всерьез», и забыть к чертям все мое вступление, а так же от души повеселиться вместе с ним в этом небольшом литературном путешествии.

Засим жму читателю руку и желаю всего наилучшего.

А вдруг дождь пойдет: что тогда делать?

Положение складывалось явно не в мою пользу: деньги почти что кончились, надеяться совершенно не на кого, а оставаться здесь слишком опасно. Соответственно, я решил пойти на крайние меры.

Свет на ночь мы иногда не выключали. Рано утром, когда еще все спали, я поскорее собрал все свои вещи, и уложил их в походную сумку. Потом, тихо, чтобы не привлечь внимания, вышел из барака. Снег за ночь весь растаял. Я зашел в подсобку. Пришлось включить верхний свет: фонарик у меня украли. Влез на стульчик, чтобы дотянуться до верхней полки. Взял самый большой мешок. Ох, и тяжелый же он оказался, черт его возьми. Осторожно, чтобы не шуметь, спустил, взвесил в руках. Подумал: наверно, не донесу. С трудом положил на место. Полка скрипнула, я замер. Потом тихонько слез со стула и выключил свет. Постоял, выжидая. Все тихо. Снова влез на стул, уже в темноте. Опять скрипнула полка, но выжидать я уже ничего не стал. Стало как-то наплевать. Наугад стянул другой мешок, спустил на пол. Вышел, сходил за большой сумкой. Снова включил свет, кое-как переложил содержимое мешка в сумку. Мешок сунул за полку. Может, даже и не заметят пропажу. Кто знает, вряд ли мешки подсчитывают. Перекинул большую сумку через плечо, маленькую взял в руку. Вышел на улицу. Нет, еще темно.

Теперь главная задача в том, чтоб нормально пройти «кордон». Только бы все обошлось. Я, сгибаясь, перебрался через шаткий и узкий мостик, переброшенный через ров. Этот ров был заполнен ледяной водой. Что как грохнусь? Прошел. Выпрямился, немного шатаюсь от тяжести, пошел к воротам. На «кордоне» в окне горел тусклый свет. Но сторож, наверно, спал. Я поднялся, прошел через турникет. Турникет только тихонько щелкнул, поворачиваясь. Теперь я очутился снаружи.

Дорожка через лес оказалась очень скверной. Всего две колеи в грязи, ни проедешь и не пройдешь. И темнота, ни зги не видать, как говорится. Хотя скоро, наверно, рассветет. Но и свет мне не помощник. А в лесу, который обступил колею с обеих сторон, говорят, водятся волки. И огня нет, и ножа. Хотя насчет волков может и врут. Но путь, по крайней мере, немал – до деревни километров пять. Успею засветло?

Эти пять километров я прошел примерно часа за два. Двигался медленно, осторожно, еле разбирая во тьме дорогу. Согнулся, как старый дед. Иначе свалился бы от тяжести, наверно. Несколько раз поскальзывался и падал на колени, с трудом поднимался. Да и подниматься не хотелось. Приходилось себя уговаривать. Вставал, и ноги разъезжались в липкой грязи. С трудом удерживал равновесие. Кроссовки промокли насквозь, но ведь другой обуви у меня не осталось. Двойные штаны тоже отсырели, это было очень противно. И ничего почти не видно. Я близоруко вглядывался в лес. Мерещились какие-то жуткие тени. Слышались непонятные звуки. Это все воображение, успокаивал себя.

Все-таки, с грехом пополам дошел до конца леса. Здесь дорога оказалась лучше: с бетонным покрытием. Поэтому пошел быстрее. Небо, вместо чёрного, стало темно-синим. Минут через десять – синим. Я совсем замучился, и встал у обочины. Снял с плеча сумку. Положил под ноги. Положил другую сумку, присел. Все промокнет, подумал. Не беда, все и так сырое. Только бы добраться. Достал из кармана куртки пакет с пряниками. Черт, и они ведь отмокли! Хотя не все. Съел всухомятку четыре пряника, тщательно разжевал. Так, говорят, сытнее. Встал, попробовал поднять на плечо большую сумку. Не выходит. Выложить половину? Нет, так не пойдет. Напрягся, поднял, перебросил через плечо. Нагнулся за второй сумкой, с вещами. Чуть не упал. Взял, побрел дальше.

Почти что рассвело. Дошел до поселка. Пошел по центральной, самой ровной улице. Прошел мимо дома местного богача. Три этажа. Темные окна, во дворе стоит небольшая

яхта. Огромная куча песка, поддоны с кирпичом. Наверно, пристройку будут делать. Черт с ними. Мимо райповского магазина, потом мимо другого, частного. Мимо гаражей и ремонтных мастерских. Здесь пора сворачивать на шоссе. Скорее же, черт возьми!

На повороте остановился, сбросил сумку. Потянулся, немного размял ноги. Там наверно уже встали, вспомнил. Что если будет погоня? Ерунда, пока они сообразят, кто знает сколько пройдет. К тому же, у них ничего там не подсчитано. Все же, идти надо. Опять чуть не свалился, поднимая сумку. Вся одежда отсырела. Вроде и дождь не идет, но от растаявшего снега все мигом промокает. Даже спина под курткой и двумя свитерами. Хотя может это от пота. Ерунда, до остановки не далеко. Не заболеть бы, вот еще что. Крепись!

Дошел до Мурманского шоссе. Теперь надо сообразить, на которую из двух остановок. Ага, вот на той стоят люди. И знак есть. Значит – туда. Народ какой-то странный, цыганки. Ну и черт с ним. Лишь бы меня потом посадили в автобус. Поставил сумку на скамейку. Все равно никто не сидит. Замерзнуть, видно, бояться. Присел на сумку, согнулся, чтобы держалось тепло. Когда стоишь и весь сырой, быстро замерзаешь. Тем более – ноги. Ага, ноги уже замерзли. Подумал снова, что надо взять кроссовки. Потом еще: как доеду? Наверно, там уже все знают. У сына сторожа есть «девятка». А вдруг погоня? Нет, одернул себя, не стоит об этом.

Ждали долго. Одна цыганка подошла и попросила закурить.

– Извините, нет, – ответил я и развел руками, – не курю.

– Может, вам погадать? У вас зеленые глаза, это...

– Да что толку. Мне все равно нечем заплатить...

– Да я бесплатно могу. Погадать... ну за сто рублей?

А она, оказывается, беременная. Я сначала и не заметил. И – туда же, курит... хотя какое мне, собственно, дело?

– Я за сто рублей сам Вам погадал бы. Кто бы мне дал.

А сам подумал о том, сколько выручу и когда. Только бы все вышло. Не хватало мне еще цыганок. Может, это тоже плохая примета. Вспомнил, что в деревне, у мастерских, каркали вороны, с той стороны, где церковь. Слева значит. Потом прикинул еще раз: нет, справа. Поворачивал ведь.

– Ну, как хотите, Ваше дело.

Потом подошел старик, в кожаной куртке и почти глухой. Спросил, когда автобус.

– Ой, извините, я и сам не знаю...

– Чего, чего? – и подставил ухо.

– Сам, – я повторил, – не знаю. Я не местный...

– Места...?

– Да, мест на всех не хватит...

Старик наверно понял, что толка от меня немного. Отвернулся, отошел.

Я просидел еще с полчаса. Перепугался, начал нервничать. На остановку подошли еще два новых человека. Вдруг на самом деле мест не хватит? Но я подошел раньше. Это тоже в счет. Ноги у меня теперь уже потеряли чувствительность. Не отморозить бы напрочь... Хотя на самом деле ведь плюсовая температура. Весь снег растаял за ночь. Это кажимость, плюс асфальт, он же холодный ведь. Все тепло забирает. Эх, погреться бы.

Подошел автобус, большой, серебристый. Немного похож на ледокол, с фотографии: высокий и узкий. Весь в грязи, понятное дело.

– Могу посадить только шестерых, – объявил водитель, – мест нет.

Что поделат, подумал я. Сырой весь, по любому садиться нельзя. Как в воду глядел ведь!

– Я постою, если можно. Мне срочно...

– Хорошо. Багаж – в багажный отдел.

Ну, хоть так. Хоть сумки не надо заносить. Можно сказать, повезло даже. Положил ношу в багажное отделение. До чего же она тяжелая. И сырая. От нее и другие намокнут, чужие. Ну что ж. Зашел в салон.

– Сколько с меня?

– Триста. С багажом.

Вот черт. Ладно, что делать. Не ожидал, конечно. Отсчитал деньги, заплатил. Встал в проходе. И теперь так пять часов кряду. Стоял, переминаясь с ноги на ногу. Мучился, мерзли ноги. Было стыдно перед пассажирами, за свой вид, и за все в целом. Но, вроде, никто не обращал внимания.

В Морозово была большая остановка, на двадцать минут. Вышел, размял ноги. Как же затекли. И мерзли ужасно. Подумал, что заболел. В который раз уже! И снова заставил себя думать о другом. Все ли пройдет гладко? Может, в метро есть датчики? Все нюансы не предусмотреть. А на автобусах – никак.

В киоске купил энергетический напиток. Думал, может, хоть так согреюсь. Выпил поскорее, а тут и время отправляться подошло. Снова стоял, мерз, трясся. На заднем сидении женщина переговаривалась с тем самым стариком. Очень громко, тот ведь ничего не слышит. Что-то про баню, про посадки:

– Вода в бане у меня коричневая, из реки.

– Чего? А?

– Вода, говорю, из реки поступает. Коричневая вода идет, как в реке. Ржавая.

– Реке? Какой реке?

И все это так громко, так явственно, на весь салон. Пытался, чтоб отвлечься, вникнуть в суть. Ничего не понятно. Она говорит, он переспрашивает. Лучше уж вообще молчали бы, чем позориться. Ногам стало еще холоднее. И все думал о том, как доеду. Как через турникет в метро пройду. С двумя сумками, да еще весь сырой, грязный. Одно хоть, в автобус посадили. И то стоять приходится.

А в другой части салона ехала женщина с ребенком. Совсем маленьким, тот только, видно, разговаривать учился. Эти двое всю дорогу громко спорили. Сначала никто не обращал внимания. Потом начали посматривать в их сторону. Я стоял, и мне все было видно. То один посмотрит, то второй. Женщина заметила и умолкла. А ребенок продолжает в том же духе.

– Хочу сыра!

И так четко, по слогам. С необычной самоуверенностью.

– Хочу сыра! А не пойти ли искупаться?

– Тише ты, тише. Люди смотрят, неудобно, – прикрыла ему ладонью рот мать, – потише.

– Мама. Майонеза я хочу, майонеза.

Я прислушивался, стараясь не обратить на себя внимание. Неясно, понимал ребенок, что он произносит, или просто повторял где-то слышанное.

– Мама! Не надо мне подсказывать. Я сам способен справиться.

– Тише, тише.

Люди уже перешептывались, кто-то негромки выругался:

– Спокойно проехать не дадут...

Я стоял, переступая с ноги на ногу от холода, и слушал. Было очень тесно и неудобно. И душно, несмотря на холод. Буквально дышать нечем. Как такое вообще возможно?

– Есть шкала? Есть!

Автобус уже подъезжал к городу. За окном тянулись заводские заборы. Теперь небо закрыло тучами. Я опять вспомнил про свои сумки.

– Ну а вдруг дождь пойдет, что делать будем? – неожиданно громко проговорил ребенок.

– Тише! – закричала мать и грубо закрыла ему рот ладонью. Ребенок заплакал. Конечно же, меня никто не встречал.

У Ломоносовского метро я вышел, взял сумки и, сгибаясь от усталости, пошел в универсам за продуктами. Страшно хотелось есть. И шел противный, мелкий, затяжной дождь. Это было утром 31 декабря 2011 года.

2012, март-июль

Теперь В чужом городе ночью

Наши бедствия начались еще днем. Ни с того ни с сего часа в два пошел влажный снег. Сначала я даже обрадовался, подумав о том, что если снег, то и работу скоро найдем. Да вот только, меня быстро настигло разочарование. Под ногами снег тут же таял, а мои бедные кроссовки отнюдь не приспособлены для такой погоды – моментом промокли. Не прошло и получаса, как я уже насквозь промерз и чихал. Недаром говорят: в первую очередь нужно согреть голову и стопы ног. Когда ноги влажные, никакая куртка не поможет.

...А ведь идти нам было решительно некуда, и Володя пропал, как назло.

– Ну что, как поступим, – спросил я Аскара, – я совсем замерз... покушать бы, да и согреться сейчас нам.

– Не ты один проголодался... а этот кретин где, интересно, этот Володя? Ни на минуту ведь не отпустишь. Эх, попал я в вашем Питере.

– Вот я больше тебя про Вову знаю.

Володю мы потеряли еще вчера, когда нас троих выгнали из подъезда, где мы грелись. Аскар дал ему последние 50 рублей, который «стрельнул» у знакомого дворника узбека, и отправил в магазин за мало-мальскими продуктами. Вовик так и не вернулся, нам с Аскаром пришлось заночевать, сидя в подъезде одной «общаги». За всю ночь я проспал не больше часа, честное слово даю. Теперь нам обоим было так скверно, что и не описать: мы тряслись от холода, чуть не валились с ног – хотели спать и есть, и всего боялись.

– Ну, он бы нас не кинул, – в который раз усомнился я, – не из таких. Просто наверно попал в переплет. По-любому сейчас в участке. Денег наверно у него уже не осталось.

– Да я и сам заметил, что Вова парень честный, – отвечал Аскар, – да одно плохо: с головой не больно дружит. Думай лучше, что нам предпринять теперь.

И то правда. Нужно было срочно предпринять что-то дельное, но с усталости и голода на ум приходили одни глупости. Столько возможностей, и ни одной ведь не воспользуешься. Признаться, у меня на карточке оставались кое-какие финансы, но Аскару я не доверял, (как потом выяснилось, правильно делал), так что, как бы и финансов не было...

Побродив по Академическому району, мы зашли в большой теплый магазин, не помню, как он называется. Здесь, по крайней мере, было тепло и полно мест для отдыха, хороших скамеек. Любой другой порядочный гражданин мог бы просидеть здесь часа два, а то и три, не привлекая к себе ничьего внимания. Но мы – другое дело. Я был одет в самую настоящую рванину: грязные широченные джинсы, серая, изрядно запачканная и дырявая куртка и не подходящие по сезону кроссовки. К тому же еще длинные спутанные волосы, и очки. В целом, судя по отражению в зеркале я смахивал на сумасшедшего или попрошайку. Аскар не далеко ушел от меня в плане одежды, плюс еще обладал ярко выраженной нерусской внешностью, к тому же в случае чего не смог бы предъявить документы: их у него украли. А ведь с узбеком без документов в участке могут сделать что угодно, ох, много я знал таких историй. Впрочем, Аскар того наверно и заслуживал.

Но все-таки нам удалось просидеть в этом теплом местечке не меньше часа. Из продуктового отдела пахло сладким и выпечкой, и от этого у нас с Аскаром кружилась голова. Что ж делать теперь, что ж делать, что ж делать, думай, думай, думай...

– На телефоне деньги есть?

– Еще вчера проговорил все, а что?

– Нам бы квартиру снять... вернее, я хотел сказать, комнату, на троих-то. Если не будем постоянно мерзнуть, работу будет легче найти. И внешний вид приведем в порядок...

– Ай да молодец! А не подумал ли ты, что у нас не то, что за комнату, за один день в «общаге» и то заплатить нечем?

– Ну, найдем где-нибудь. Возьми вон там газетку со стола, они бесплатные...

– Что толку? Звонить не на что. Говорю же...

Я ненавидел мерзкую привычку узбека вечно тянуть одеяло на себя. Чуть что: сделай то, сделай это. Со мной еще ладно, а Володей так прямо помыкал. Видимо, заметил слабину, и давай пользоваться. На его месте стоило быть осторожнее, честное слово. Тем более, нерусский.

От всех нескончаемых горестей и бедствий, которые выпали на нашу долю, у нас уже действительно, как говорится, «поехала крыша». Я порой самым натуральным образом грезил наяву, заговаривался, путал события. Заметив, что я в повседневном плане человек до поры до времени очень мягкий и дружелюбный, Аскар, как я уже сказал, без стеснения этим пользовался. Хорошо, у меня хватало ума не раскрывать перед ним всех карт. Конечно, это унижительно, но, думаю, читатель в некоторой степени сможет войти в мое положение. Мне не терпелось избавиться от навязчивого и наглого узбека, но теперь, когда исчез Володя, перспектива остаться совсем одному представлялась непереносимой.

– Ну чего, айда, что ли... гляди-ка, вон охранник все на нас смотрит, – не вытерпел, наконец, Аскар.

– Еще бы, у нас такой импозантный вид. Важные персоны, как-никак, местные боссы. Пошли-пошли. Только куда, вот вопрос...

Согреться вроде бы и удалось, да только вот ноги за час не высохнут. Хуже того, весь этот чертов снег на моих кроссовках растаял и впитался, что, разумеется, усугубило положение. Эх-ма, брат, думал я, ну и дела. «Вот так положеньице сложилось», как говорит Володя. Придумать хуже уже трудно. Даже за этого проклятого пристава Аскара приходится держаться, мать его.

Вышли и стали снова бродить по Академическому району. Просто у нас не оставалось других вариантов. Эти места мы уже знали «как свои пять пальцев», тем не менее, ухитрились заблудиться. Говорю же, «крыша поехала». Несколько раз поссорились: спорили, куда пойти. Что сделать. Нашлись, вышли на Науки, пошли к Тезке. Тезка – это один очень хороший парень, мой друг, который всегда нас выручал. Жаль, у него такие суровые родители, нето я бы поселился в его комнате. Он мне так и говорил. Пусть он вор и пьяница, и страшный врунишка, и еще черт знает кто, мне плевать, человек на самом деле отменный. Этого никто отрицать не может. Про таких людей, как этот Тезка, говорят «с ним можно пойти в разведку». Непременно расскажу про него в другом месте подробнее.

Но я несколько увлекся своими описаниями, а тем временем Тезки дома не оказалось. Я Аскар постучал в окно, и на зов вышел его отец, бледный и разъяренный. Раньше он, как говорили на районе, сильно пил, но теперь бросил и ненавидел пьющих и бродяг. Его уже довели наши бесконечные визиты. Что сказать, он в своем праве, нам пришлось ретироваться.

– Пойдем на базу, – от нечего сказать предложил я, понимая, что уже поздно.

– Ай, база. Что толку? Ты вспомни, как нас там кинули.

На днях, еще до того, как меня окончательно выселили, Володя с Аскарком и Тезкой пришли на базу и нанялись поработать, а наниматели, кстати, дагестанцы, их сильно подвели с деньгами. Вернее, не совсем так: они пообещали, что работы будет на 8 часов, а за ту же сумму заставили работать почти что сутки. Теперь идти гнуть спину за копейки никто не желал. С другой стороны, нам особо и выбирать не приходилось.

– Может, сходим в библио? Посидим, книжечки почитаем, ну или в клуб? А что? Покуражиться, потанцуем, а, Оскар? Как считаешь? (Мы с Володей называли узбека через «О»)

– У тебя шуточки какие-то пацанские, ты лучше думай, что делать. Не время смеяться.

Пошли снова бродить по району, сходили, до метро, я даже зашел в вестибюль: может, Володя там. Потом еще куда-то, уже точно не помню. Все вокруг казалось затуманенным, нереальным. Пару раз вообще почудилось, будто я заснул – чуть было не сказал об этом Аскару. Кружились, кружились. Короче, когда опять пришли к Тезке во двор, решив ждать его до последнего, встретили Вову.

Ну, наконец-то!

– И где ж ты был, кретин, куда пропадал? – по контрасту, от встречи я испытывал несколько преувеличенную радость и все боялся, вдруг это какой-то фантом.

– В участке, небось, – предположил Аскар.

– Да нет, ребята, вернее, толком не помню...

Вова оказался немного навеселе, и ничего путём объяснить не мог. С его слов я только понял, что денег больше нет, что он, как заведено, с кем-то связался, напился, подрался, и все в этом духе. Еще он, по собственным словам, перепугался расставания с нами не меньше моего, и был очень рад воссоединению. Теперь наши дела должны пойти в гору, думал я, сейчас все поправится. Встреча с потерявшимся другом – залог перемен к лучшему! Теперь бы покушать, а там и поспать в тепле. Не вешай нос, братишка!

– Ну что ж, – предложил я, – пошли, Вова, к метро, давай компенсируй убытки. Есть-то нечего, ты вчера нас без ужина оставил. Ну и сегодня тоже не шиковали. Все благодаря твоей гордыне и непокорности.

– Чего? Какая гордыня? Что у метро? А ночевали где?

– Как что? Сам-то подумай, где нам взять денег.

– Давай, Володя, пошли, – подтолкнул Аскар, – в общаге мы переночевали, вприсядку.

– Не сладко вам пришлось, наверно, – засмутился Вова, – а я вообще все почти позабыл.

Пошли по Карпинского в сторону метро. Знакомые места. Начало смеркаться, и опять пошел тяжелый, крупный и влажный снег. Первая радость от встречи прошла, и мне опять стало очень плохо. Особенно убивало, что с наступлением сумерек пришла «куриная слепота», и не помогали никакие очки. Все как в тумане. И зрение, и от нервов, и еще черт знает от чего. Да что же это такое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.